

1984
Орб.

«МЫ ЗНАЕМ О НИХ МАЛО»

На вопросы репортера «Недели» отвечает старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, кандидат филологических наук В. ВАЦУРО.

— Со дня рождения М. Ю. Лермонтова — 170 лет. Скажите, часто ли лермонтоведы делают в наши дни открытия?

— Увы, крайне редко. В чем сложность работы лермонтоведов по сравнению, скажем, с пушкинистами? Слишком скуп материал. Собрание сочинений Пушкина — 17 томов, да еще полтома. Собрание сочинений Лермонтова укладывается в 6 небольших томиков. У Пушкина — четыре тома писем, которые дают массу сведений о связях поэта с литературным движением его времени, о его знакомствах, общении. А у Лермонтова сохранилось лишь около 40 писем, кратких и в основном не на литературные темы. Первый том летописи Пушкина занимает более 800 страниц, летопись жизни и творчества Лермонтова — около 250 страниц, и это

все, что мы знаем о Михаиле Юрьевиче. Он вел жизнь кочевую, не любил писать письма. Вообще лермонтовское время не было временем писем, другое дело — пушкинская эпоха.

— Но они ведь жили в одно время?

— Но Лермонтов — совсем другое поколение. И до какой же степени противоположные психологические типы! Между поколениями пролегла резкая общественно-психологическая грань, которую определило 14 декабря 1825 года: оптимизм и «винное брожение» 1820-х годов сменяется «уксусным брожением» лермонтовской эпохи. Разница в возрасте — всего пятнадцать лет, но эти пятнадцать лет очень много значили: изменились и быт, и эпоха, и литературные привычки. Лермонтов и его поколение — люди замкнутые, скептики, вот почему мы знаем о них мало. Находки новых лермонтовских текстов — исключительная редкость. Да что там, в нашем распоряжении нет даже полной биографии поэта: Николай Леонтьевич Бродский сумел довести ее лишь до 1832 года.

— Неужели так трудно продолжить?

— Трудно, потому что биографию Михаила Юрьевича надо собирать по крохам. Книжка Бродского сделана именно так, по крохам: использованы косвенные материалы, тщательно изучалось лермонтовское окружение, выяснялось все возможное о каждом из его товарищей — по пансиону, по Московскому университету, по полкам.

— Несколько лет назад Пушкинский дом выпустил сборник, в который включены учебные конспекты Лермонтова. Что они могут сказать о поэте?

— Это записи лекций по истории в Московском пансионе и по словесности — в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Речь в записях, в частности, идет о французской революции, о Наполеоне. Обычные учебные записи, но если прочитать их углубленно, станет ясно, как приобретенные знания преломлялись в раннем творчестве Лермонтова, как отражалась недавняя политическая жизнь в его художественных

концепциях и социально-политических представлениях.

Порой маленький документ, казалось бы, пустяковый, многое открывает. Листая «Реестр рукописей и книг, поступивших в Санкт-Петербургский цензурный комитет в 1839 году», я обнаружил, что под номером 97 значится «Демон, восточная повесть» на 70 страницах, поступившая 7 марта «от г. Карамзина», 10 марта процензурованная Никитенко и 11 марта возвращенная Карамзину, расписавшемуся в получении. Эта запись чрезвычайно важна, ибо нет сомнений, что Владимир Николаевич Карамзин передал в цензуру именно лермонтовского «Демона» (поскольку фамилия автора в реестре не обозначена, исследователи раньше внимания на запись не обращали). До того нам были известны строчки из дневника императрицы Александры Федоровны от 9 февраля 1839 года с упоминанием о чтении «Демона», но оставалось неясным, была ли поэма разрешена к печати. Теперь очевидно, что Карамзин передал рукопись в цензуру после чтения поэмы при

дворе, а факт такого чтения был для цензора определяющим. Из записи следует, что против поэмы не высказались, иначе появилась бы отметка о запрете и рукописи надлежало остаться в делах цензурного комитета. Итак, Лермонтов мог тогда отдать поэму в печать, но он не сделал этого — по каким причинам? Зато стало ясно, что из многочисленных вариантов «Демона» ныне публикуется именно тот, который сам Лермонтов в марте 1839 года предназначал для печати.

В свое время мне удалось найти письмо, проливающее свет на историю лермонтовской дуэли. Его автор — полковник Трапезин, в котором подозревали едва ли не главного врага поэта, а письмо между тем очень доброжелательное; судя по нему, военная среда к Лермонтову относилась сочувственно.

— Вам не раз доводилось работать с лермонтовскими автографами. Какой у Михаила Юрьевича почерк?

— Свообразный, почти детский: строчки к концу лепятся либо вверх, либо вниз — разительное несходство с пушкинским почерком, необыкновенно красивым...

Интервью взял
Лев СИДОРОВСКИЙ.

ЛЕНИНГРАД.

Неделя, 1984, окт., № 41